

Кукуша

**Мандариновое
дерево (Кукуша #7)**

Кукуша Кукуша Мандариновое дерево (Кукуша #7)

<https://litres.ru/74035591>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли вырастить счастье из простой косточки? Кукуша, уставшая от больших надежд и громких обещаний, решает попробовать. Теперь она не спасает мир и не раздаёт мандарины направо и налево — она сажает одно-единственное семечко в горшок и учится ждать. Долго. Не требуя гарантий.

Дни превращаются в недели, земля остаётся неподвижной, а сомнения подступают всё ближе. Павел посмеивается, София тычет пальчиком в пустой горшок, баба Зина даёт мудрые советы, а внутри Кукуши борются надежда и отчаяние. Но однажды утром случается чудо: из земли показывается крошечный зелёный росток. А вместе с ним из-под спуда прошлых кризисов пробивается нечто большее — терпение и умение видеть чудо в маленьком.

Эта повесть не о том, как быстро получить результат. Она о том, как не бросить начатое на полпути, как довериться времени и как обычное комнатное растение может стать лекарством от

душевных ран. Для всех, кто когда-либо сажал косточку и верил, что она прорастёт.

Кукуша

Мандариновое дерево (Кукуша #7)

Пролог. Одна косточка

В тот день Кукуша ела мандарин. Обычный, сладкий, с тонкой кожицей, пахнущий Новым годом и чем-то далёким, почти забытым. Она съела дольку, потом другую, наслаждаясь вкусом, как вдруг зубы наткнулись на что-то твёрдое. Косточка. Белая, гладкая, влажная, похожая на маленькую каплю застывшего времени.

Она выплюнула её на ладонь и замерла. Внутри что-то щёлкнуло. Не голос, не мысль — скорее, память тела о том, как когда-то, в другой жизни, она верила в чудеса.

— Павел, — позвала она негромко, боясь спугнуть момент. — Смотри. Косточка.

Он сидел в комнате, уткнувшись в ноутбук. Слышно было, как клавиши стучат под его пальцами — ровно, деловито.

— Косточки в мандаринах бывают, — ответил он, не отрываясь от экрана. — Это не дефицит.

— Но эта особенная, — тихо сказала Кукуша, рассматривая косточку на свету. — Чувствуешь?

— Чем? — в голосе Павла скользнуло любопытство, хотя

он старался его спрятать.

— Она выжила. Все предыдущие косточки — сотни, если сосчитать — я выплёвывала в мусорное ведро. Не задумываясь. А эту я сохраню.

Павел вздохнул — тем особенным вздохом, который означал «ты опять за своё, но мне это нравится». Он отложил ноутбук, подошёл, посмотрел на её ладонь.

— Ты хочешь её посадить? — спросил он, хотя ответ знал заранее.

— Да. Как и обещала себе два года назад.

— Аглая, ты обещала это в прошлом декабре. Тогда ты посадила косточку в стаканчик из-под йогурта и забыла её полить. Она засохла через неделю. Я выбросил.

— Тогда я была другой, — сказала Кукуша, и в её голосе не было оправдания — только констатация факта. — Я искала счастье в мандаринах. Думала, если съем десять штук, мир станет добрее. А теперь... я хочу вырастить счастье своими руками. Из земли, воды и терпения.

Павел посмотрел на неё долгим взглядом — тем самым, каким смотрят на человека, которого любят уже так давно, что перестали замечать изменения. Но сейчас он их заметил. В её глазах горел не прежний лихорадочный блеск спасательницы мира, а спокойный, ровный огонь садовника.

— Хорошо, — сказал он. — Но поливать будешь сама. И разговаривать — тоже. Я в садоводы не нанимался.

— Договорились, — кивнула Кукуша и улыбнулась.

Она завернула косточку во влажную салфетку, положила в блюдце и поставила на подоконник — туда, где утром бывало больше всего света. София, которой уже исполнилось полтора года, подковыляла на неверных ножках, потянулась к блюдцу пухлой ручкой.

— Не трогай, — мягко сказала Кукуша, перехватывая её ладошку. — Это будущее дерево.

— Де-во? — переспросила София, выгибая бровки домиком.

— Дерево. Огромное. С мандаринами. Оранжевыми и сладкими.

Девочка захлопала в ладоши, хотя не поняла ни слова. Но она поняла мамину интонацию — торжественную, необычную, почти сказочную. И этого хватило.

Глава 1. Ожидание

Кукуша ждала. День, два, три. Неделя. Косточка лежала во влажной салфетке на блюдце, но не подавала никаких признаков жизни — ни белого хвостика ростка, ни трещинки на гладкой поверхности, ни малейшего намёка на движение. Она меняла салфетку каждое утро — аккуратно, бережно, как бинты у раненого солдата, — проверяла, не появилось ли что-нибудь. Ничего. Только гладкая скользкая поверхность, блестящая и равнодушная, словно издевалась над её надеждами.

Иногда Кукуша подносила блюдце к глазам, рассматривала косточку под разными углами, поворачивала то одной сто-

роной, то другой. Может быть, росток прячется с другой стороны? Может быть, он уже пробил твёрдую оболочку, но не показывается наружу? Она даже взяла лупу — старую, ещё дедушкину, с треснувшей оправой. Ничего.

— Ты слишком торопишься, — сказал Павел, застав её за утренним ритуалом. Он стоял в дверях кухни, сонный, всклокоченный, с кружкой растворимого кофе в руке. — Деревья растут медленно. Это тебе не твит написать за тридцать секунд.

— Я знаю, — ответила Кукуша, не отрываясь от блюда. — Но я хочу увидеть. Прямо сейчас. Сию минуту.

— Увидишь. Через месяц. Или через два. Или через три.

— Ты невыносим, когда прав.

— А ты невыносима всегда. Поэтому мы и подходим друг другу.

Через месяц ничего не было. Косточка потемнела, покрылась бурыми пятнами, как старое яблоко, забытое в холодильнике на неделю. Салфетка больше не пахла свежестью — от неё тянуло затхлостью, чем-то болотным. Кукуша расстроилась так сильно, что сама удивилась собственным чувствам. Подумаешь, косточка. Всего лишь косточка. Их миллионы в мире. Но на душе скребли кошки — те самые, с которыми она уже научилась договариваться за последние два года. Те самые, которые просыпались в моменты, когда что-то шло не по плану.

— Выброси, — посоветовал Павел, увидев её лицо. —

Начни заново. С новой косточки.

— Нет, — сказала Кукуша твёрдо. — Эту не выброшу. У неё есть имя.

— У косточки? Имя?

— Да. Я назвала её Надеждой.

Павел открыл рот, закрыл, потом вздохнул тем особым вздохом, который означал «я на тебе женился, значит, сам виноват».

— Хорошо, Аглая. Надейся дальше. Но давай без слёз, хорошо?

Кукуша не заплакала. Вместо этого она собралась, оделась и пошла в магазин. Не в ближайший, а в тот, что на другом конце района — там, где продавали не только продукты, но и товары для сада. Она купила керамический горшок — терракотовый, с дренажными отверстиями на дне, — пакет специальной земли, керамзит для дренажа и маленькую лейку зелёного цвета.

Дома она действовала как заправский садовник. Насыпала на дно горшка керамзит — ровным слоем, чтобы корни не загнивали. Сверху — землю, до половины. Аккуратно, двумя пальцами, положила косточку на глубину двух фаланг пальца — не глубже, не мельче, как вычитала в интернете. Присыпала землёй, слегка утрамбовала, полила отстоянной водой — не холодной, не из-под крана, а той, что простояла в бутылке два дня.

— Хочешь, не хочешь, а расти, — сказала она горшку, как

старому знакомому, с которым можно говорить серьёзно. — Я тебе не позволю умереть. У меня теперь есть обязательства. Ты — моя косточка. Я за тебя отвечаю.

Горшок не ответил, но Кукуше показалось, что земля одобрительно вздохнула.

На следующий день пришла баба Зина. Не с пустыми руками — она принесла пакет с надписью «Для цитрусовых: кислотность 5.5–6.5 рН». Кукуша прочитала надпись, ничего не поняла, но прониклась.

— Откуда вы узнали? — спросила она, принимая пакет.

— А ты забыла, где живёшь? — усмехнулась баба Зина, садясь на табуретку и закуривая воображаемую папиросу. Настоящие она бросила десять лет назад, но привычка держать пальцы щепоткой и выпускать дым осталась. — Я всё знаю, Кукушка. В нашем доме стены прозрачные. Или я прозрачная, не знаю.

— Стены.

— Ну, значит, стены. Твоя косточка уже два дня в земле? Я принесла специальный грунт. Пересаживать не надо — просто подсыпь сверху, когда деревце подрастёт. А пока — запомни: цитрусовые не любят, когда их беспокоят.

Баба Зина рассказала, как в молодости пыталась вырастить лимон из косточки. Ей тогда было двадцать пять, она только вышла замуж, жила в общежитии, и лимон был её единственной радостью.

— Выросло дерево, такое корявое, с шипами, — говорила

она, покачиваясь на табуретке. — Лимоны были кислые, как моя свекровь. Покойница царствие небесное, не хочу плохого слова, но если она где-то на небесах варит компот — туда сахара не жалеют. Вечно учила меня жить: «Зина, не так соль сыплешь, Зина, не так пол моешь, Зина, сын у тебя худой, не кормишь». А я кормила — просто он был худой по природе. Как тот лимон.

— И что случилось с деревом? — спросила Кукуша.

— Засохло, — вздохнула баба Зина. — Свекровь пережило, а засохло. Я его перелила. Любви было много, а знаний мало.

— А у меня будут сладкие мандарины, — уверенно сказала Кукуша. — Мандарины сладкие по определению. В отличие от лимонов.

— Дай бог, — кивнула баба Зина. — Только ты, Кукушка, не заливай его. Любовь любовью, а корни гнить не должны. Помни: сухая земля — это не предательство. Это передышка.

Каждое утро Кукуша подходила к горшку — сразу после того, как открывала глаза и до того, как идти умываться. Она садилась на корточки, вглядывалась в чёрную землю, ждала. Каждое утро — ничего. Только чёрная, влажная, непроницаемая поверхность, плотная и молчаливая, как будущее.

София тоже проверяла. Она уже твёрдо ходила и проявляла ко всему живой интерес. Подковыляла к горшку, ткнула пальчиком в землю — так, что на подоконник вылетели

крошки — и сказала своим требовательным, не терпящим возражений тоном:

— Де-во?

— Ещё нет, — отвечала Кукуша.

— Нет де-во? — огорчалась девочка. Губы начинали дрожать, брови съезжались домиком — ещё секунда, и начнётся концерт.

— Будет, — Кукуша гладила её по голове. — Терпение, маленькая. Оно не на кнопке. На кнопке — мультики. А дерево — это долго.

— До-о-о-лго? — София пыталась понять это слово, растягивая гласные.

— Очень. Намного дольше, чем ждать вечернюю сказку.

Девочка вздыхала, садилась на пол рядом с горшком и принималась рассматривать его с такой серьёзностью, будто это был телевизор, который вот-вот покажет мультфильм. Иногда она что-то бормотала на своём, детском языке — Кукуша не понимала слов, но понимала интонации. Это были заклинания. Просьбы. Молитвы, обращённые к будущему дереву.

Однажды вечером, укладывая Софию спать, Кукуша спросила:

— Ты чего шептала у горшка?

— Кы-кы не кусай, — ответила София серьёзно.

— Кто — кы-кы?

— Зе-лё-ны-кы. Который вы-ра-стет.

Кукуша не стала объяснять, что деревья не кусаются. Она просто поцеловала дочку в нос и выключила свет.

Глава 2. Сомнения

На двадцатый день Кукуша начала сомневаться. Не мягко, как обычно — лёгкое облачко на горизонте, которое можно разогнать чашкой чая и разговором с Павлом. Нет. Она сомневалась со всего размаху — так, что заныло под ложечкой, засосало под лопаткой, зачесалось в кончиках пальцев.

Она сидела на кухне одна. За окном моросил октябрьский дождь — мелкий, назойливый, какой бывает только в этом месяце. Серое небо, серые дома, серая лужа под окном, в которой отражался серый мир. На столе — остывшая кружка чая, в чашке уже образовалась плёнка. Кукуша смотрела на горшок, который стоял на подоконнике, и он казался ей маленькой могилкой. Аккуратной. Керамической. С землёй вместо надгробного камня.

«А вдруг косточка мёртвая? — думала она, обхватив кружку холодными пальцами. — Вдруг она сгнила в этой влажной салфетке ещё на второй неделе, а я каждое утро ходила смотрела на труп? Вдруг я зря трачу время, силы, деньги на лампы и удобрения, на разговоры с бабой Зиной и советы дяди Гриши? Вдруг это не символ новой жизни, а просто косточка, как миллион других, которые лежат в мусорных баках по всей стране?»

Она вспомнила, как говорила Павлу: «Это особенная косточка». А что, если она не особенная? Что, если все косточ-

ки особенные, просто никто не обращает на них внимания? Что, если «особенная» — это просто слово, которым мы прикрываем свой страх перед обычностью?

— Ты опять философствуешь, — сказал Павел, заметив её застывший взгляд. Он зашёл на кухню за кружкой кофе — уже второй за день, потому что в университете была тяжёлая пара, — и замер, увидев это лицо. То самое лицо, которое появлялось у неё в моменты экзистенциальных кризисов. Он знал его лучше, чем свои студенческие работы.

— Нет, — ответила Кукуша, не поворачивая головы. — Я просто думаю.

— О косточке?

— Да. О том, имеет ли смысл ждать, если результат не гарантирован. О том, не глупо ли верить в живое, когда вокруг столько мёртвого. Не только вокруг — внутри. О том, не идиотка ли я со своим деревцем, со своим садовничеством, со своими разговорами с растением.

Павел поставил кружку на стол, сел напротив. Серьёзно, без обычной иронии, без привычных подколов. Он положил руки на стол, сложил их замком — жест, который Кукуша видела только в самые важные моменты их жизни.

— Аглая, слушай меня внимательно, — сказал он. — Ты можешь выбросить эту косточку прямо сейчас. Прямо в эту минуту. Взять горшок, высыпать землю в мусорное ведро, а горшок вымыть и поставить в шкаф. А завтра можешь пойти в магазин и купить готовое мандариновое дерево. Вон в

том садовом центре на окраине, где мы лейку покупали, они есть. С листьями, с цветами, возможно, даже с плодами. Маленькими, но уже мандаринами. Это быстро, надёжно, без ожидания, без сомнений, без риска.

Он помолчал, глядя ей в глаза.

— Но ты же не хочешь магазинный мандарин. Ты не хочешь чужое дерево, которое кто-то вырастил в теплице, привил, обработал стимуляторами. Потому что оно чужое. Потому что в нём нет твоего ожидания, твоих слёз, твоей надежды. Ты хочешь свой плод. Своего дерева. Поэтому жди.

— А если не вырастет вообще? — спросила Кукуша, и в её голосе прозвучала детская обида — та самая, которую она прятала годами. Обида на мир, который не даёт гарантий. Обида на вселенную, которая не подписывала с ней договор. — Если оно просто сгниёт в земле, а я буду поливать пустоту?

— Посадишь другую, — сказал Павел просто, как о чём-то само собой разумеющемся. — Косточек много. Мандариновый сезон — раз в год. Зимой купишь килограмм, съешь, выберешь самую красивую косточку — и начнёшь заново. С чистого листа. С новой надеждой.

— А эта? — Кукуша кивнула на горшок.

— А эта будет первой. Чертновиком. Пробой пера. Ты же не бросаешь писать, если первый абзац не получился?

— Это другое.

— Это то же самое. Только буквы зелёные.

Кукуша задумалась. Косточек действительно много. Каждый мандарин — это целый арсенал будущих деревьев. Но эта — первая, которую она решила сохранить. Первая, которую она не выплюнула автоматически, в рассеянности, а рассмотрела, взвесила на ладони, почувствовала её прохладную гладкость. Она не хотела её предавать. Это было бы похоже на то, как она когда-то предала свои мечты — тихо, без скандала, без криков, просто перестала в них верить.

— Я подожду ещё, — сказала она твёрдо. — До весны. Как дойдёт до весны — решу.

— Разумный срок, — кивнул Павел. — Через полгода что-то прояснится. Или прорастёт.

— А если нет?

— Тогда я куплю тебе десять килограммов мандаринов, и мы устроим фестиваль косточек. Переберём каждую, выберем лучшую. И назовём её Надежда-2.

Кукуша улыбнулась — впервые за день.

— Ты издеваешься.

— Немного. Но люблю тебя. Поэтому издеваюсь аккуратно.

В тот вечер, когда София уснула, а Павел сел проверять студенческие работы, Кукуша достала дневник. Она не писала в нём почти месяц — руки не доходили, мыслей не было. Но сегодня перо легло на бумагу само собой.

Она написала:

«Я не знаю, вырастет ли это дерево. Не знаю, жива ли ко-

сточка, которую я закопала в землю. Не знаю, придёт ли весна с зелёным ростком или с пустым горшком. Но я знаю одно: я вырасту. Потому что я учусь ждать. А ждать — это не пустота. Это не замершее время, не потерянные дни. Ждать — это тихая работа души. Это когда ты не требуешь от мира ответа, но продолжаешь задавать вопрос. Это когда ты не видишь результата, но продолжаешь верить в процесс. Это трудно. Но, кажется, это единственное, что остаётся, когда все гарантии аннулированы».

Она перечитала написанное, подумала и дописала внизу, уже мелко, на полях:

«Павел говорит, что я философ. Может быть. Но я всё чаще думаю, что философия — это просто способ не сойти с ума, когда реальность отказывается подчиняться твоим желаниям. Если так — то да, я философ. Философ с лейкой и горшком на подоконнике».

Она закрыла дневник, убрала в ящик стола и пошла спать. За окном всё так же моросил дождь, но Кукуша его уже не слышала.

Глава 3. Росток

Сороковой день. Сорок дней и сорок ночей. Почти библейский срок.

Кукуша уже почти перестала надеяться. Не то чтобы она махнула рукой — нет, она продолжала поливать, рыхлить, разговаривать. Но внутри что-то сломалось, какая-то пружина, которая держала её веру. Она уже начала мысленно

подбирать место для новой косточки — прикидывала, какой горшок купить, какую землю выбрать, в какой день лучше посадить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.